

УДК 811

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.11

Т. И. Вендина

Н. И. Толстой и антропология диалектного слова (к столетию со дня рождения)

Вендина Татьяна Ивановна

Доктор филологических наук, профессор, руководитель центра

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: vendit@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-7752-6615

Цитирование

Вендина Т. И. Н. И. Толстой и антропология диалектного слова (к столетию со дня рождения) // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 230–245. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.11

Статья поступила в редакцию 12.04.2023.

Рецензирование завершено 19.04.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

Статья посвящена анализу антропоцентрической парадигмы славянской диалектологии, современный этап которой можно с полным основанием охарактеризовать как этап становления «аналитической, объясняющей диалектологии», имеющей своей целью глубинную интерпретацию диалектного слова и сопряженный с ним анализ языка традиционной культуры. Благодаря Н. И. Толстому сформировалось новое направление в культурно-языковой диалектологии – этнолингвистика, в которой исследование диалектного слова ведется сквозь призму культурной антропологии, так как для адекватного познания языка необходимы выходы за его пределы – в философию, логику, культуру, психологию, социологию, этнологию, историю и другие области гуманитарного знания. Из лингвистики «имманентной», лингвистики «в самой себе и для себя» этнолингвистика превратилась в «зачем/почему-лингвистику» (А. Е. Кибрик), логика развития которой требует реализации общей программы антропоцентрической лингвистики – «найти доступ к человеку через язык». По мнению Н. И. Толстого, только язык может дать истинную картину языкового сознания человека той или иной культуры со всеми ее сложностями и нюансами. Опора на лингвистическую

реконструкцию когнитивной структуры диалектного слова позволяет перейти от эмпирических данных к их интерпретационному анализу, т. е. подняться с уровня регистрации фактов на уровень их объяснения. Актуальность и жизненность идеи Никиты Ильича об антропологии диалектного слова доказывает и такой проект, как «Общеславянский лингвистический атлас», работа над которым началась также во многом благодаря ему.

Ключевые слова

Славянская диалектология, славянская традиционная культура, интерпретация диалектного слова, Н. И. Толстой, антропологическая парадигма в лингвистике.

Статья, посвященная моему учителю, академику Н. И. Толстому, является скромной данью глубокого уважения к этому труженику науки, чья разносторонняя научная деятельность и как ученого, и как педагога во многом способствовала развитию славянской диалектологии

Конец XX века в лингвистике ознаменовался важнейшим методологическим сдвигом, практически «полной сменой ее парадигмы» (Р. М. Фрумкина), поскольку она перешла на новую, антропоцентрическую парадигму исследования, обращенную к изучению «души языка», т. е. опредмеченному в нем мировидению человека, его сознания и мышления. Лингвистика превратилась в полипарадигмальную науку, отличительной особенностью которой стал ее экспансионизм, поскольку стало очевидным, что для адекватного познания языка необходимы выходы за его пределы – в философию, логику, культуру, психологию, социологию, этнологию, историю, культурную антропологию и другие области гуманитарного знания. Поэтому современную ситуацию в лингвистике отличает многообразие научных направлений, концепций, теорий в стремлении познать язык не только «в самом себе и для себя» (Ф. де Соссюр), но и как средство понимания человека и того мира, в котором он существует. Из лингвистики «имманентной», лингвистики «в самой себе и для себя» она превратилась в «зачем/почему-лингвистику» (А. Е. Кибрик), логика развития которой требует реализации общей программы антропоцентрической лингвистики – «найти доступ к человеку через язык». В связи с этим изменился «антропоцентрический дискурс гуманитарных дисциплин... Если ранее о человеке говорилось как “о мере всех вещей”, то теперь

он определенно становится “мерой науки” о языке, литературе, истории, искусстве» (Софронова, Куренная 2013: 5). И в этом превращении лингвистики в интерпретационную лингвистику особая роль принадлежит когнитологии.

Исходный тезис антропоцентрической лингвистики заключается в том, что язык есть конститутивное свойство человека. В формулировке Э. Бенвениста этот тезис гласит: «Невозможно вообразить человека без языка и изобретающего себе язык... В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» (Бенвенист 1974: 293). Отсюда следует, что познание человека невозможно без изучения его языка, а понять природу языка можно лишь исходя из человека. При этом, если следовать идеям Э. Бенвениста, высшим уровнем языка в самой широкой его семиотической трактовке следует признать культуру, которая в основе своей так же семиотична, как и язык, поэтому без привлечения культуры язык не может быть осмыслен глубоко и полно.

В центре внимания ученых все чаще оказывается триада *язык – культура – человеческая личность*. От расплывчатого и довольно туманного гумбольдтовского «духа народа» (ср., например, известную его формулу: «Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык» (В. фон Гумбольдт 1984: 68)), укорененного в его чувствах и эмоциях, современная лингвистика обратилась к изучению языкового сознания человека.

Следует отметить, что этот процесс начался давно, об этом еще в 70-х гг. прошлого века писал Никита Ильич Толстой. В своих лекциях и многочисленных работах он постоянно говорил об антропологии диалектного слова и о необходимости рассматривать тот или иной славянский диалект как этнографическую единицу. При этом он стремился преодолеть существующие в диалектологии стереотипы лингвистического анализа и повернуть славянскую диалектологию к человеку и традиционной духовной культуре славян, доказывая тем самым возможность использования языковых данных для изучения культурного ландшафта Славии. «В нашу пору, когда наука о диалектах, казалось бы, добилась своей полной автономии и самостоятельности с применением разных методов исследования, [...] она начала испытывать острую нужду в союзе или даже в единении с этнографией. Эта тяга к сближению проявляется не только в историко-диалектологическом аспекте [...], но и в области синхронно-типологической диалектологии, прежде всего в ее лексико-семантической сфере» (Толстой 1997: 225).

Объяснял он это тем, что «диалект представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую» (Толстой 1995: 21). Между тем понятие культурного диалекта «мало используется в славянской этнографии и тем более культурологии, в то время как оно очень существенно для диахронических исследований и является ключевым в опытах реконструкции праславянской духовной культуры и лексического фонда праславянского языка» (Там же: 37). По мнению Никиты Ильича, между языком и культурой существует определенный изоморфизм, о чем он прямо пишет в статье «Язык и культура». Сходство структуры обоих феноменов проявляется, на его взгляд, не только в их функциональном изоморфизме, но и, в частности, в том, что в истории культуры так же, как и в истории языка, можно обнаружить «процессы взаимодействия, наслоения культур на культуры, т. е. явления культурных субстрата, адстрата или суперстрата, ср. аналогичные понятия в лингвистике» (Там же: 19). Этот изоморфизм свидетельствует о том, что язык является «естественным субстратом культуры», «орудием» или «инструментом» ментального упорядочивания мира.

Диалектное слово, по его мнению, представляет собой культурное творение, которое нельзя понять, не обращаясь к истории народа, его традициям и религии. Вот почему при изучении любой культуры чрезвычайно важным является обращение к языку традиционной (или крестьянской) духовной культуры как наиболее устойчивой и консервативной, отсылающей к истокам национальной культуры. В диалектах до сих пор живут различные формы культурной традиции, социальной и культурной деятельности человека традиционной культуры, так как диалектный язык «насыщен переживаниями прежних поколений и хранит их живое дыхание» (Гумбольдт 1984: 71).

Не случайно осмысление языка культуры (как, впрочем, и естественного языка) начинается, как правило, с изучения его словаря, поскольку именно словарь определяет логико-понятийную сеть языка, лексика которого является самым чувствительным индикатором культуры. «Если словарь народа, – писал крупнейший социолог языка, основатель европейской школы неогумбольдтианства Й. Л. Вайсгербер, – является суммой и результатом понятийной переработки им своего опыта, то исследование словаря служит в первую очередь постижению понятийного мира этого народа» (Вайсгербер 1993: 143). Изучая диалектное слово, мы сможем понять подлинную сущность и нашей культуры, ибо именно диалектное слово «выступает неким концентратом культуры нации» (Лихачев 1996: 29), оно стремится не просто описать мир, но и объяснить его.

Вот почему для понимания культуры чрезвычайно важным является обращение к языку традиционной (или крестьянской) духовной культуры. Ведь «диалект представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую», – говорил Н. И. Толстой, отмечая высокий культурологический потенциал диалектного слова (Толстой 1995: 21).

Будучи инструментом культуры, язык формирует не только представления о реальном окружающем человека мире, но и саму личность. Погружаясь в определенную культурную наследственность, благодаря нравственной валентности памяти она через язык воспринимает традиции, обычаи, мораль, систему норм и ценностей своего народа, специфический культурный образ мира, осознавая постепенно и свое место в нем. Так через язык происходит «оживление» культурно-исторического опыта, формирование культурной идентичности субъекта, его самоотождествление с идеями, ценностями, традициями своей культуры.

Поэтому только язык может дать истинную картину языкового сознания человека той или иной культуры со всеми ее сложностями и нюансами. Апелляция к мнениям и оценкам каких-либо авторитетов из области литературы или философской мысли является малоубедительной, поскольку это всегда взгляд со стороны, который отличается субъективизмом; ср. в связи с этим мнение известного русского мыслителя и общественного деятеля И. Л. Солоневича, который говорил, что «психология народа не может быть понята по его литературе. Литература отражает только отдельные клочки национального быта – и, кроме того, клочки, резко окрашенные в цвет лорнета наблюдателя. Так, Лев Толстой, разочарованный крепостник, с одной стороны, рисовал быт русской знати, окрашенный в цвета розовой идеализации этого быта, и с другой – отражал чувство обреченности родного писателю слоя. Ф. Достоевский – быт деклассированного и озлобленного разночинца [...]. А. Чехов – быт мелкой интеллигенции [...]. М. Горький – социал-демократического босяка. [...] Русскую психологию характеризуют не художественные вымыслы писателей, а реальные факты исторической жизни. Литература всегда является кривым зеркалом народной души. Наша литература в особенности, ибо она родилась в эпоху крепостничества, достигла необычайной технической высоты и окрасила все наши представления о России в заведомо неверный цвет» (Солоневич 2010: 340).

Продолжая мысль И. Л. Солоневича, следует сказать, что адекватная характеристика психологии, мировоззрения народа и соответственно его культуры может быть получена только с опорой на данные

языка. А это значит, что необходимо отрешиться от навязываемых оценок и проникнуть в самую идеологию языка, тем более что успехи когнитивно-ориентированной лингвистики говорят о том, что «языковая структура в принципе не произвольна, напротив, она существенно мотивирована устройством когнитивной структуры, которая “отражается” в зеркале естественного языка» (Кибрик 2008: 75).

Благодаря Н. И. Толстому диалектология смогла раздвинуть рамки своих исследований, позволивших понять ту логику, которой руководствовался язык при отборе тех или иных мотивационных признаков в качестве ведущих при номинации реалий внешнего мира. Благодаря ему сформировалось и новое направление в культурно-языковой диалектологии – этнолингвистика, в которой исследование диалектного слова и диалектной фразеологии ведется сквозь призму культурной антропологии. Перед диалектологией открылось новое поле исследований, связанных с лингвистической реконструкцией когнитивной структуры диалектного слова.

Актуальность и жизненность идеи Никиты Ильича об антропологии диалектного слова доказывает и такой проект, как «Общеславянский лингвистический атлас», работа над которым началась также во многом благодаря ему. Если обратиться, например, к таким томам «Атласа», как том 9 «Человек» (Kraków 2009), том 12 «Личные черты человека» (Москва 2020), то нетрудно увидеть, что на картах «Атласа» отразилась не только лингвистическая дифференциация диалектов, но и культурологическая. Выбор мотивационного признака диалектного слова не является случайным, он предопределен интересами человека и имеет свою культурную мотивацию. И в этом проявляется феномен влияния человека на язык: феномен первичной антропологизации диалектного слова (влияние на язык психофизиологического механизма сенсорного восприятия) и вторичной антропологизации (влияние на язык религиозно-мифологических, философских воззрений, социально-нормативных предписаний и запретов, существующих в традиционной культуре).

Если принять во внимание устойчивость и повторяемость языковых актов как одну из форм проявления коллективного бессознательного культурной памяти, то можно выявить «сокрытые смыслы» и ценностные ориентации языка культуры, поскольку механизмы этой устойчивости мотивируются культурными механизмами (типом культуры, конкретными условиями общественной жизни), благодаря чему и происходит «вплетение» культурной семантики в языковую.

Иллюстрацией культурно-языковой дифференциации славянских диалектов может служить процесс антропологизации диалектного

слова, ярко выраженный на картах 12 тома «Атласа» «Личные черты человека». Карты, входящие в этот том, представляют человека как субъекта деятельности и носителя сознания в разных его «ипоста-сях», а именно – как организм и как личность.

Человек как организм (или «природный человек») предстает в виде совокупности его телесных и материальных свойств, генетически унаследованных от родителей и претерпевших лишь некоторые изменения в процессе жизненной эволюции (см., например, карту 1 ‘лысый (о человеке)’, карту 4 ‘кудрявый’, 5 ‘рыжий’, 8 ‘пѣть(-я)’, 10 ‘слепой человек’, 11 ‘косоглазый, с косыми глазами (о человеке)’, 16 ‘горбатый человек’, 19 ‘человек с большим животом’, 21 ‘толстый человек’, 23 ‘худой человек’, 25 ‘человек с большой головой’, 27 ‘человек с большой бородой’, 29 ‘человек с большими усами’, 30 ‘красивый (о человеке)’, 31 ‘сильный, обладающий физической силой (о человеке)’, 12 ‘глухой человек’, 17 ‘хромой’, 13 ‘человек, который работает левой рукой, левша’ и др.).

Человек как личность рассматривается как социокультурный индивид, как субъект – носитель сознания и самосознания: эта группа имен описывает, с одной стороны, **психологические** особенности человека, определяющие его индивидуальность в единстве эмоционального и интеллектуального начал (см., например, карту 32 ‘глупый человек, дурак’, карту 39 ‘человек, который любит хвалиться, хвастун’, 42 ‘человек, который лжет’, 43 ‘женщина, которая лжет’, 44 ‘женщина, которая любит сплетничать’), а с другой – **социальные**, указывающие на его социальную роль и опыт деятельности в обществе (см., например, карту 45 ‘охотно и хорошо работающий (о человеке)’, 46 ‘ленивый, не любящий работать’, 47 ‘ленивый человек’, 34 ‘скупой, чрезмерно бережливый’ и др.).

При этом карты, представляющие «природного» человека, демонстрируют сравнительно низкую лингвокреативную активность диалектов, что само по себе указывает на то, что чувственная, физическая природа человека не имеет особого интереса для языка традиционной культуры славян. Не случайно именно на этих картах содержится больше всего лексем общеславянского распространения (это такие лексемы, как *nĕt-ъ* карта 8, *slĕp-ъ* карта 9, *xrom-ъ* карта 17, *glux-ъ* карта 12 и др.).

Самая же высокая степень лексической загруженности наблюдается на картах, посвященных репрезентации человека как личности социальной и духовной, ср., например, карту 32 ‘глупый человек, дурак’, карту 44 ‘женщина, которая любит сплетничать’, 47 ‘ленивый человек’

(на которых зафиксировано более двухсот наименований, для сравнения можно привести карту 8 'něťь(-jь)', где представлено всего 47 лексем). Причем в разных славянских языках лексическая и словообразовательная плотность карт варьируется. И это понятно, так как диалектное слово является своеобразным художественным образом, в котором выражены наблюдения народа над самим собой и окружающим миром. А поскольку мир многообразен, как и многообразны народы, населяющие его, то можно предположить, что каждая культура имеет свой язык, свою специфическую этническую особенность в отражении мира, вскрыть которую призвана этнолингвистика.

Так, например, в **хорватских** диалектах среди карт, посвященных человеку как личности социальной и духовной, самыми лексически загруженными являются карты:

32 'глупый человек, дурак', хорват. (*bed*)-*ak*-ъ (*bed*ǎ:k), (*bedav*)-*Ъ* ('be:daf), *glup-an*-ъ (glúpan), [*xlep*]-*ač*-ъ (*x*'lepa:č), (*xor*)-*m*=-*ak*-ъ (*x*oř'mǎ:k), *lep-ux*-ъ ('lepuh), *lud*-ъ (lù:d), *ne-veřm-en-ъn-Ъ* (nevřemě:n), (*nor*)-*ъc*-ъ ('norc), (*sa-mar*)-ъ (*sam*ǎ:r), (*sord*)-*ast-Ъ* (sò:rdast), *tjudj-ъk-ъ* (tùojk)¹;

45 'охотно и хорошо работающий', хорват. *dě-l-av-ъn-Ъ* (dielo-van), *fatiјatun-Ъ* (fati'jatù:n), *mar-ъl-iv-Ъ* (marli:f), *po-sъl-en-Ъ* (pò:slen), *rad-ъn-Ъ* (rǎ:dan), *rad-in-Ъ* ('radi:n), *rad-iš-ъn-Ъ* (ra'dišan), *rad-ъl-iv-Ъ* ('rǎdl'if), *ra-d-ov-ъn-Ъ* (ràdovan), *skъrb-ъn-Ъ* (s'křban), *sъ-lož-en-Ъ* (s'luž-en), *val-ъ*=-*at-Ъ* (válat), (*veřd*)-*ъn-Ъ* (vré:dan), *žest-ok-Ъ* (žesto:k).

В **болгарских** диалектах такими картами являются:

47 'ленивый человек', болг. *ajnaži-j-a* (hajna'žijʌ), *ajlak*-ъ (xaj'l'ak), *dembel-in*-ъ (dem'bel'in), *xajlaz-in*-ъ (xaj'lǎzin), *kal-pazan-in*-ъ (kǎpǎ'zanin), *lěn-ъl-ъ*=-*o* ('lenl'o), *lěn-ъt-ъ*=-*o* ('l'ant'u), *lěn-ъt-ъ*=-*ag-a* (len't'aga), *lěn-ъč-o* ('lenču), *lež-ъl-ъ*=-*ak-ъ* ('ležl'ak), *lež-ač-ъ* (le'žač), *lež-ъj-ak-ъ* ('ležjak), *lež-e-val-ъn-ik-ъ* (ležo'vajnik), *mъz-ъl-ъ*=-*o* (m'ǎzl'o), *mъz-el-an-ъ* (mǎrze'l'an), *mъz-el-ъ*=-*an-ъ* (mǎrze'l'an), *mъz-ъl-iv-Ъ* (mǎz'l'if), *mъz-el-iv-Ъ* (mǎrza'l'if), *mъz-el-an-ъk-o* (mǎrze'l'anku), *mъz-el-iv-ъc-ъ* (mǎrze'l'ivec), *mъz-el-iv-ъk-o* (mǎrze'l'ifko), *mъz-el-ъ*=-*ak-ъ* (mǎrze'l'ak), *muxljuz-in*-ъ (mu'lj'uzin), *ne-orъb-ot-ъn-ič-in-a* (nera'botničina), *pro-pad-l-j-a* (pro'padl'a), *trъntur*-ъ (t'rǎntur);

39 'человек, котрый любит хвалиться, хвастун', болг. *xval-i-goz-ic-a* (fa'ligazica), *xval-ъk-o* (fal'kɔ), *xval-/(ži)-j-a* (fal'žijə), *xval-ъb-A-(ži)-j-a* (vǎləbǎ'žij), *xval-i-pъgd-ъl-ъ*=-*o* (flǎlip'rǎdl'u), *xval-ič-ъ* (fǎ'lič),

¹ Примеры приводятся в морфонологической транскрипции, принятой в «Общеславянском лингвистическом атласе», в скобках приводятся диалектные лексемы.

xval-bb-ič-b ('fal'bič), *xval-bc-b* ('fałəc), *xval-ač-b* (fa'lač), *xval-i-pɣrc-ɣk-o* (fałop'ræcku), *xval-i-pɣrc-ɣl-b=-o* (fə'lipræcl'u), *xval-ič-ɣk-o* (fa'ličku), *xval-b=-o-pɣrd-ɣ* (fil'up'rət), *xval-b=-o-pɣrd-ɣ=-ov-ɣc-ɣ* (fal'o'pɣrdjovec), *xval-i-[trɣc]-ɣk-o* (falit'ræcku), (*fɣ-los*)-ɣ (fə'łos), *fuk-ɣl-j-o* ('fukl'o), *fuk-ɣl-j-a* ('vukl'a), *kuraš-(li)-j-a* (kuraš'lija), *po-xval-i-gqz-ɣ* (pofa'ligas), *po-xval-ɣc-ɣ* (puɣ'le:c), *po-xval-ič-ɣ* (puva'lič), *po-xval-i-gqz-ic-a* (pova'liguzica), *sam-o-xval-ɣk-o* (samo'fałku), *tɣr-tɣr-am-ɣ* (tərtə'ram), *žambaz-ɣ* (žəmbə'zə).

А в **украинских** диалектах самая высокая степень лексической загруженности наблюдается на **карте 44 'женщина, которая любит сплетничать'**, укр. *brex-a* (b'rexa), *brex-ux-a* (brə'xuxa), *brex-ač-ɣk-a* (bre'xačka), *brex-un-ɣk-a* (brɣ'xunka), *cok-ot-ux-a* (cokot'uxa), *dur-o-plet-ɣk-a* (durɔp'l'otka), *xvost-o-mel-j-a* (fɔstu'mel'a), // *ɣzyk-at-A* (jazyk'ata), // *ɣzyk-ar-ɣk-a* (jazyk'arka), *klev-et-ux-a* (kləvət'uxa), *lop-a* (l'opa), *lopot-ux-a* (lɔpu'tuxa), *lop-ɣk-a* (l'opka), *lop-ot-a* (l'apɔ'ta), *my-j-ɣl-a* ('mejla), *my-j-ɣk-a* ('myjka), *pɣr-nos-ɣk-a* (perə'nʌska), *plesk-ač-ɣk-a* (pləs'kačka), *plet-ɣn-ic-a* (pl'otnɛc'a), *plet-ɣk-ar-ɣk-a* (pl'ot'karka), *plet-ux-a* (ply'tuxa), *plet-b=-uš-ɣk-a* (plət'uška), *plet-ɣk-a* (pl'otka), *plet-ɣk-ač-ɣk-a* (pl'ot'kačka), *plet-ɣk-aš-ɣk-a* (plet'kaška), (*pošt*)-a ('pošta), *pošt-ar-ɣk-a* (poštarka из нем. *Post* 'почта'), *ɣb-plet-ɣn-ic-a* (sp'l'etn'ica), *ɣb-plet-ɣn-ič-ɣk-a* (sp'l'otn'ička), *ɣb-vod-ɣn-ic-a* (z'vɔdɔn'ica), *ɣbt-o-brex-a* (stob'rexa), *trep-ɣl-o* (trep'lo), *trep-ux-a* (tre'puxa) (подробнее см.: Вендина 2023).

Карты «Атласа», таким образом, говорят о том, что система языка – это социально детерминированная система, в которой важную роль играет этический элемент. Номинативная логика названий человека, атрибутирующих те или иные его качества и свойства, свидетельствует не только об их социальной значимости, но и проливает свет на их моральную оценку общественным мнением. Поэтому при отборе тех или иных признаков, характеризующих человека, при их семантизации учитывался принцип их этической значимости, который, естественно, в разных культурах варьируется. Это говорит о том, что язык традиционной культуры является в значительной степени языком морали. Концептуальная база диалектной лексики с ее морально-нормативными предписаниями и запретами отражает различные способы этической рационализации мира.

Об этом свидетельствует и тот факт, что номинация человека как личности социальной и духовной ведется, как правило, с позиций социальной нормы, тех регулятивных категорий, которыми определяются нормы человеческого общежития. Мотивационные признаки, лежащие в основе субъектных имен, оказываются связанными

с морально-нормативными предписаниями и запретами традиционной духовной культуры славян. Именно этим объясняется высокая лексическая плотность карт, посвященных названию человека глупого, ленивого, скупого или лгуна и сплетницы. Обращает на себя внимание и тот факт, что «сгущение мысли» прослеживается в основном в негативных номинациях. Обилие имен, отрицательно характеризующих человека с нравственной точки зрения, свидетельствует о том, что язык традиционной культуры как бы «обвиняет» его перед ближними и перед самим собой, т. е. в диалектном слове наблюдается явный перевес в сторону этических ценностей, свидетельствующий о нравственном отношении к миру.

Это говорит и о том, что в диалектном лексиконе обвинительные мотивы явно преобладают над оправдательными. В нем отражены глубинные установки традиционной культуры славян, которая повелительно требует от человека следовать социальной этике, быть существом деятельным, причастным к труду, т. е. сам материал этих карт является свидетельством нравственно ориентированного отношения человека традиционной культуры к миру.

Отсюда следует, что различная лексическая плотность карт говорит о разной культурной социализации человека в тех или иных диалектах. Чтобы понять ту логику, которая лежит в основе этой «наивной социологии», нужно найти «участки языкового напряжения», в которых наблюдается повышенная вариативность языковых форм, свидетельствующая о своеобразных «сгустках» языкового смысла, так как механизм языкотворчества включается всегда избирательно, когда в субъектно-объектных отношениях присутствует элемент необходимости. Эта необходимость, проявляющаяся в многообразии языковых средств, и дает возможность понять, **что** является важным для языкового сознания человека той или иной культуры. В этом смысле карты «Общеславянского лингвистического атласа» говорят о том, что традиционная духовная культура – это коллективистски ориентированная культура, культура безраздельного господства социальной этики. В связи с этим большое значение имеет одобрение окружающих и страх осуждения.

Антропологию диалектного слова и связанную с ней культурологическую дифференциацию лингвистического ландшафта Славии ярко иллюстрируют и мотивационные карты «Атласа». Они позволяют увидеть мотивационный признак в пространстве языка той или иной культуры и поэтому являются, по сути дела, лингвогеографической проекцией языка этой культуры. Своеобразие номинативной логики при лексической параметризации внешнего мира, особенности его

восприятия и категоризации привели к разной сегментации языковым сознанием диалектоносителей одного и того же семантического участка. А это значит, что каждая культура, облеченная в языковую оболочку, говорит на своем языке. Задача исследователя заключается в том, чтобы «прислушаться к ее языку»; см., например, карту 55 ('счастье') тома 10 «Народные обычаи», материалы которой показывают, что в северной Славии представления о счастье связаны с наделенностью человека долей, частью (*съ-čest-ьj-e, dol-j-a*), у лужичан – это прямое указание на субъекта, наделяющего этой долей (ср. *съ-bož-ьj-e*), в то время как в южной Славии эти представления ассоциируются со встречаей (*съ-рет-j-a, съ-rět-j-a*) как судьбой человека, поскольку «судьба осмысливается как предначертанный человеку свыше путь» (СД 5: 203).

Никита Ильич в своих лекциях часто говорил о своеобразии диалектов каждого славянского языка. Это своеобразие особенно ярко проявляется в существовании эксклюзивных образований, которые отличительно характеризуют диалекты лишь одного славянского языка и не выходят за его пределы, ср., например, такие яркие эксклюзивы **русского языка**, как: *mur-aš-ь* (mu'raš) (карта 41 'муравей', том 1 «Животный мир»); *zem-j-an-ьk-a* (z'em'l'anka) (карта 45 'земляника', том 3 «Растительный мир»); *podъ-dorž-ьn-ik-ь* (pod:o'rožn'ik) (карта 52 'подорожник', том 3 «Растительный мир»); *po-gost-ь* (po'gost) (карта 50 'кладбище', том 10 «Народные обычаи») и др.; **украинского**: *//ež-ak-ь* (ji'žak) (карта 10 'еж', том 1 «Животный мир»); *cuc-en-є* (cucə'n'a) (карта 26 'щенок', том 2 «Животноводство»); *gost-j-av-in-a* (hušča'vuna) (карта 10 'густые заросли в лесу', том 3 «Растительный мир»); **белорусского**: *zob-a* ('z'uba) (карта 18 'клюв птицы', том 1 «Животный мир»); *po-par-ь* (pa'par) (карта 23 'пар, земля, которую не пахали в течение года', том 4 «Сельское хозяйство»); *tъst-ost-ь, съ-dor-ь* (t'ustas'c, zdor) (карта 29 'топленое свиное сало', том 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»); **польского**: *jask-ol-ьk-a* (jaskułka, jaskoўka) (карта 24 'ласточка', том 1 «Животный мир»); *kot-ic-a* (koćica) (карта 16 'кошка', том 2 «Животноводство»); *ne-za-po-min-a-j-ьk-a* (nizapom'inajka) (карта 53 'незабудка', том 3 «Растительный мир»); **лужицкого**: *potpul-a* ('rosula, 'raćpula) (карта 22 'перепелка', том 1 «Животный мир»); *(bar)-ь* (bar) (карта 5 'медведь', том 1 «Животный мир»); *(kast)-ь* (kašč, kačć) (карта 48 'гроб', том 10 «Народные обычаи»); **чешского**: *ščík-a* (ščika) (карта 37 'щука', том 1 «Животный мир»); *čap-ь* (ča:p) (карта 29 'аист', том 1 «Животный мир»); *sěk-ač-ь* (sěka:č) (карта 70 'мужчина, который косит косой', том 4 «Сельское хозяйство»); **словацкого**: *smag-ь* (smat) (карта 9 'желание, потребность пить', том 6 «Домашнее

хозяйство и приготовление пищи»); (*olovrant*)-ъ (*olovrant*) (карта 61 'полдник', том 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»); *pač-i-tь <se>* (pa:či: sa mi) (карта 2 'нравится', том 10 «Народные обычаи»); **словенского**: (*pantegan*)-а (*podgá:na*) (карта 13 'крыса', том 1 «Животный мир»); *pět-el-in-ъ* (pete'li:n) (карта 11 'петух', том 2 «Животноводство»); *čьbel-ar-ъ* (čəbə'l̩ar) (карта 27 'человек, который разводит пчел', том 8 «Профессии и общественная жизнь»); **хорватского**: *kuk-ov-ač-a* (ku'kuvača) (карта 21 'кукушка', том 1 «Животный мир»); *bor-ov-ič-a* (bo'goviča) (карта 47 'брусника', том 3 «Растительный мир»); *dět-ъč-ьk-o* (dečko) (карта 8 'жених', том 10 «Народные обычаи»); **сербского**: *kьr-ljusk-j-ъ* (křl̩u:š) (карта 39 'чешуя рыбы', том 1 «Животный мир»); *stь.ĖrČv-in-a* (střvina) (карта 51 'падаль, дохлое животное', том 2 «Животноводство»); **македонского**: *mač-or-ъk-ъ* (mačogok) (карта 10 'кот', том 2 «Животноводство»); *vo.ĖlČk-ъn-a* ('vłakna) (карта 46 'шерсть', том 2 «Животноводство»); *paš-ъk-a* ('paška) и *o-paš-ъk-a* (o'paška) (карта 48 'хвост', том 2 «Животноводство»); **болгарского**: *pri-lěp-ъ* (p'rl̩ep) (карта 15 'летучая мышь', том 1 «Животный мир»); *klьv-ač-ъ* (kəl'vač) (карта 20 'дятел', том 1 «Животный мир»); *bul-ъk-a* (bułka) (карта 11 'женщина в день свадьбы', том 10 «Народные обычаи») и др.

Эти эксклюзивы являются яркой реализацией не только антропологии диалектного слова, но и этнической идентичности, поскольку система языка – это социально детерминированная система, и этническое является ее конституирующим элементом. Процесс созревания этнополитического самосознания, стремление отличить себя от соседей и подчеркнуть свою культурную специфику, осознание своей общности и вместе с ней исключительности обретали в этих именах дополнительный стимул.

Основная причина появления эксклюзивов, по мнению Никиты Ильича, связана со своеобразием номинативной логики в лексической параметризации окружающего мира, с особенностями осмысления предметов и явлений внешнего мира языковыми средствами. Своеобразие в восприятии и категоризации мира носителями тех или иных диалектов, углубленная детализация мотивационных признаков, положенных в основу названий, и соответственно разная сегментация их языковым сознанием одного и того же семантического участка привели постепенно к образованию отличительно характеризующей лексики, определяющей «портретное» своеобразие тех или иных диалектов.

Все это подтверждает мысль Никиты Ильича о том, что карты «Атласа» наряду с ареальной дифференциацией славянских диалектов иллюстрируют и культурно-языковую, поскольку лексическая

вариативность мотивирована не только функционально, но и культурологически. Отсюда и различия в конфигурации смыслов и лексической плотности карт. Поэтому они являют собой образец культурно-языковой диалектологии, позволяющей представить «богатый и красочный культурный ландшафт славянского традиционного быта и реконструировать “живую старину” славян» (Толстой 1995: 15).

«Атлас» обогатил славистику не только новым, четко стратифицированным материалом, позволяющим с высокой степенью достоверности решать задачи компаративистики, но и, благодаря антропологии диалектного слова, предоставил исследователям еще одну уникальную возможность, ранее совершенно нереальную, рассмотреть тот или иной славянский диалект как этнографическую единицу, доказав возможность использования языковых данных для изучения культурного ландшафта Славии.

Идеи Никиты Ильича продолжают свою жизнь в трудах его многочисленных учеников и последователей, благодаря которым современная компаративистика раздвинула рамки своих исследований, выйдя в культурно-языковую диалектологию. И в этом превращении ее в интерпретационную лингвистику особая роль принадлежит Никите Ильичу. Опора на лингвистическую реконструкцию когнитивной структуры диалектного слова, считал он, позволит перейти от эмпирических данных к их интерпретационному анализу, т. е. подняться с уровня регистрации фактов на уровень их объяснения. Поэтому современный этап развития диалектологии можно с полным основанием охарактеризовать как этап становления «аналитической, объясняющей диалектологии», имеющей своей целью глубинную интерпретацию диалектного слова и сопряженный с ним анализ языка традиционной культуры. Выход диалектологии в герменевтическое пространство языка культуры позволит развить культурно-языковую диалектологию, так как адекватная характеристика психологии народа и, соответственно, его культуры может быть получена только с опорой на содержательную функцию языка.

Научный потенциал антропологии диалектного слова еще далеко не исчерпан. Более того, сама логика развития антропологической лингвистики, реализация ее общей программы – найти доступ к человеку через язык – требует обращения к слову, поскольку в этом случае нам открываются «сокрытые смыслы» текста культуры. На это указывал Никита Ильич, который, говоря о различии в развитии материальной и духовной культуры, писал: «Если материальная культура в принципе в своей истории, в своем развитии сменяет одну форму другой,

замещает одно другим (типы орудий, тип керамики, тип построек, оружие, утварь и т. п.), то духовная культура, принимая новое, в значительной мере сохраняет старое, устанавливает формы сосуществования нового со старым, наслаивает одно на другое» (Толстой 1999: 37). И в этом проявляется системная память культуры.

Источники и литература

Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. М.: Едиториал УРСС, 1993. 232 с.

Вендина Т. И. Онтология лингвистической карты. СПб.: Нестор-История, 2023. 452 с.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию М.: Прогресс, 1984. 397 с.

Кибрик А. Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51–77.

Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 1996. 157 с.

СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012.

Солоневич И. Л. Народная монархия. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 134 с.

Софронова Л. А., Куренная Н. М. Автор – читатель – исследователь // Человек-творец в художественном пространстве славянских культур / отв. ред. Н. М. Куренная, М. В. Лескинен. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 28–33.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.

Толстой Н. И. О некоторых возможностях лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов // Толстой Н. И. Избранные труды. Т. 1. Славянская лексикология и семасиология. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 111–113.

Толстой Н. И. Этногенетический аспект исследований древней славянской духовной культуры // Толстой Н. И. Избранные труды. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 31–39.

References

Gumbol'dt, V. *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu*. Moscow: Progress, 1984, 397 p.

Kibrik, A. E. «Lingvisticheskaia rekonstruktsiia kognitivnoi struktury.» *Voprosy iazykoznanii*, 2008, no 4, pp. 51–77.

Likhachev, D. S. *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva*. St Petersburg: Rus.-balt. inform. tsentr «Blits», 1996, 157 p.

Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar', in 5 vols., ed. by N. I. Tolstoi. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995–2012.

Sofronova, L. A., Kurennaiia, N. M. «Avtor – chitatel' – issledovatel'.» *Chelovek-tvoret v khudozhestvennom prostranstve slavianskikh kul'tur*, ed. by N. M. Kurennaiia, M. V. Leskinen. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2013, pp. 28–33.

Solonevich, I. L. *Narodnaia monarkhiia*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2010, 134 p.

Tolstoi, N. I. *Iazyk i narodnaia kul'tura. Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike*. Moscow: Indrik, 1995, 512 p.

Tolstoi, N. I. «O nekotorykh vozmozhnostiakh leksiko-semanticheskoi rekonstruktsii praslavianskikh dialektov.» *Tolstoi N. I. Izbrannye trudy. Slavianskaia leksikologiiia i semasiologiiia*. Vol. I. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1997, pp. 111–113.

Tolstoi, N. I. «Etnogeneticheskii aspekt issledovaniia drevnei slavianskoi dukhovnoi kul'tury.» *Tolstoi N. I. Izbrannye trudy*. Vol. 3. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1999, pp. 31–39.

Vaisgerber, I. L. *Rodnoi iazyk i formirovanie dukkha*, transl., ed. by O. A. Radchenko. Moscow: Editorial URSS, 1993, 232 p.

Vendina, T. I. *Ontologiiia lingvisticheskoi karty*. St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2023, 452 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.11

T. I. Vendina

N. I. Tolstoy and Dialect Word Anthropology (On the Centenary of Birth)

Tatiana I. Vendina

Doctor of Letters, professor, head of the center

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: vendit@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-7752-6615

Citation

Vendina T. I. N. I. Tolstoy and Dialect Word Anthropology (On the Centenary of Birth) // Slavic Almanac. 2023. No 3–4. P. 230–245 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.11

Received: 12.04.2023.

Revised: 19.04.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The article deals with the analysis of anthropocentric paradigm in the Slavic dialectology, the modern phase of which can be rightly characterized by the formation of “analytical, explaining dialectology” which focuses on deep interpretation of dialect words and analysis of traditional culture language. Due to N. I. Tolstoy a new approach in cultural language dialectology was formed – ethnolinguistics, in which dialect word is studied through the lens of cultural anthropology, since adequate understanding of a language is only possible through abandoning the strictly linguistical limitations and applying other forms of knowledge, including philosophy, logic, psychology, sociology, ethnography, history etc. Ethnolinguistics moved from “immanent” linguistics, existing “in itself and for itself” towards what Kibrik termed “what/why linguistics”, the logic of which hinges on the central premise of anthropocentric linguistics, “finding a way towards a human through language”. According to Tolstoy, only language can provide a true image of the linguistic consciousness of an individual within a specific culture with all its complexity and nuance. Linguistic reconstruction of the cognitive structure behind a dialect word allows the shift from empirical data to interpretation, from collecting data to explaining it. The importance of Tolstoy’s ideas and its relevance is proved by, among other things, the “Slavic linguistical atlas” project, which was started largely thanks to Tolstoy himself.

Keywords

Slavic dialectology, Slavic traditional culture, dialect word interpretation, N. I. Tolstoy, anthropological paradigm in linguistics.